

НА НЕГО, двадцатилетнего юношу, обрушилась, казалось, неодолима беда. Выпавшая интернациональный воинский долг, чебоксарский комсомолец Валерий Петров полчил тяжелое ранение. Слепота, частичная ампутация ноги... Вся оставшаяся жизнь предстала ему тогда блужданием в темноте, без надежды на возвращение к обычным человеческим радостям, делам, заботам.

В несчастье люди ведут себя по-разному. Одни сдаются на милость обстоятельствам, другие продолжают свой путь через любые преграды, не склоняя головы. Он часто просыпался словно от толчка. По глубокой тишине за окном догадывался, что до утра еще далеко. И вновь в бесчисленный раз всплывала в памяти одна и та же картина.

...Их взвод отправляется на охрану моста через мелкую и мутную афганскую речушку. Слово магнит, притягивает этот мост диверсионные банды душманов. Если им удастся взорвать его, то застырится автомобильный поток продовольствия, медикаментов, теплой одежды для горных кишлаков. Потому и берегут шурвы (так афганцы называют советских солдат) этот участок магистрали и днем, и ночью вместе с афганскими войсками.

Валерий первым спрыгивает в заброшенный окоп у берега. Он делает лишь один неосторожный шаг. И тут же, полыхнув пламенем, разверзлась под ногами земля. Самое удивительное, что Петров не потерял сознание. Может быть, только на несколько мгновений оказался в забытьи, но остальное помнит отчетливо до секунды. Никогда не удавалось открыть глаза. Сплошная темень, но ни боли, ни страха. Пробует шевелить пальцами. Руки действуют, значит живой. Пробует ощупать раненую ногу у голени, а там раздробленные кости. Ничего не понял поначалу, тем более другая мысль пронзила мозг: «Где автомат?» Нет для солдата позорнее, чем потерять боевое оружие. И ослепший, израненный боец, забыв, что его здесь могут подстеречь и другие смертоносные ловушки, пополз на спине, судорожно шаря руками по изрытой осколками земле. Только нащупав приклад оружия, Валерий вздохнул облегченно.

Память, словно магнитная лента, записала и срывающийся голос радиста, сообщавшего о «ЧП» командир, и лягз гусениц боевой машины, за несколько минут переоборудованной друзьями в санитарный вездеход, и непонятную, густо пересыпанную медицинскими терминами, скороговорку хирургов в операционной. А самое главное, откуда-то из глубины доносится чей-то властный голос, дважды повторяющийся одну и ту же фразу: «Он все равно должен жить!» Хотелось Валерию тогда крикнуть, буду жить, обязательно буду, ведь я слышу вас, но даже губ разомкнуть не сумел.

Дни шли, похожие после операции друг на друга как патроны в обойме. Они и стреляли в него больно — отчаянием, безысходностью. Соседи по палате менялись, Валерий оставался. И даже наметившийся поворот на поправку не радовал его. Как дальше жить, к кому идти со своей неимоверной ношей? Не поеду домой, буркнул он однажды медицинским сестрам, с которыми успел крепко подружиться. Устроюсь здесь в какой-нибудь инвалидный дом, не хочу быть никому обузой.

В первый и последний раз эти женщины-добрячки повысили на него тогда голос. Не словами, а сердцем, пожалуй

Белов А.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

убеждали они Валерия верить в лучшее, сохранить надежду. Какие-то неведомые другим пути в солдатскую душу знают «сестрички» военных госпиталей. Растрюжили они отчаявшегося человека, и стал он собираться в дорогу.

Знаете, о чем больше всего горевал он на обратном пути? Затерял кто-то в госпитале его боевую форму десантника и альбом с фотографиями товарищей. Сам, понятно, не мог их теперь посмотреть, но другим хотел показать. Получилось, что лишился самого дорогого, что тогда у него было. Сопровождающий его сержант утешал как мог. «Ничего, Валерка, прорвемся. А что родителей в деревне тревожить пока не станем, может и правильно. Приедем поначалу на прежнее место жительства, к ребятам в общежитие, к родственникам заглянем. Не оставят в беде, не бывать такому».

Но оказалось все гораздо сложнее. Больно говорить об этом, но пришлось Валерию, особенно в первые месяцы, очень горько.

Нет, друзья и родные не отступились от него. Приютили, обогрели. А вот как начались хлопоты о жилье, назначении пенсии и прочем, столь ему необходимом, тут понадобилось немало времени. Близкие старались Валерия не беспокоить. Сами ходили по инстанциям, добиваясь установленных льгот. Напрягать никто не отказывал. Просили подождать «до уточнения», представить еще одну справку, написать еще одно заявление. А дело не двигалось. Как нужна была в ту минуту конкретная помощь с прежнего места работы, тогдашней фирмы «Сад», из комсомольской организации. К стати, о судьбе Валерия в Калининском райкоме ВЛКСМ случайно узнали только спустя большое время после его возвращения. Но об этом позже.

Вообще на изломе своей судьбы он встречал людей разных. Попадались, на беду,

и равнодушные, стремящиеся уберечь себя от лишних хлопот. Таких было немного, но они были. Гораздо больше оказалось людей искренних и отзывчивых на чужую беду. Они-то и помогли возвращению Валерия в полном смысле этого слова. А самый главный из них, конечно, Лена.

Они познакомились уже в Чебоксарах. Почти сразу по приезде ему пришлось снова лечь в больницу. Покою не давали последствия контузии. Навещали, конечно, родственники, друзья, но с особым нетерпением он ждал ее. Разговаривали часами. Валерий забывал о себе, обо всем. Болезнь, невзгоды отступали куда-то прочь. И ее все больше и больше тянуло к этому

простому и мужественному парню, не сломленному в тяжелых испытаниях. Наверное, вначале сказывалась потребность помочь человеку, нуждающемуся в твоей поддержке. Это чувство осталось у нее еще с интернатского детства. А потом пришло в сердце еще и нечто иное, тревожащее и чистое. Вскоре они поженились.

Пожалуй, Лена и не представляла тогда, сколько берет на себя. Заботы по уходу за мужем лишь одна сторона медали. Приходилось выдерживать недоуменные взгляды знакомых и незнакомых, выслушивать недвусмысленные намеки и даже... подозрения в какой-то корысти.

В одном из кабинетов, куда она пришла вскоре после свадьбы хлопотать о жилье, ей так и бросили в лицо: «Явилась уже. Конечно, замуж за него только из за квартиры и пошла». Выбежала в коридор молодая женщина и долго рыдала там так безутешно, как рыдает только человек, оскорбленный до глубины души. Валерию же дома сказала, что все хорошо, не могла же она его расстраивать.

Наверное, не стоило бы об этом писать, тем более, что вскоре семья Петровых получила все, что ей положено по закону. Но и спустя годы Лена не может забыть той обиды. И поныне стоит затаенно решать какую-либо житейской проблемы — будь то ремонт квартиры или перечисление пенсии, ей слышится отзвук того оскорбительного подозрения. Чему удивляться, иная рана от бюрократизма ноет гораздо дольше любой физической боли. Только вряд ли кому Лена дает себя теперь в обиду. Вон они, ее корысти, к юбке прицепились. Дочери Танюше четыре года, сыну Роману второй пошел. Как говорится, в семье полный комплект.

Вот уже пять лет ни на день не прекращает Лена борьбу за своего Валерия. Она возит

его по санаториям, к лучшим врачам. Петровы побывали даже у знаменитого профессора Федорова. Пока медицина бессильна, но время ведь не стоит на месте. Он уже различает наступление дня и ночи, рассказывает Лена, значит, можно надеяться хоть на частичное возвращение зрения. Может, пересадку глаз научатся врачи делать? Я бы один свой отдачу...

Ее неистребимая вера передается и ему. В двадцать лет Валерий заново научился читать и писать, на специализированном учебном предприятии освоил профессию. Он пошел работать на Чебоксарское УПП ВОС не только ради денег. Ему хотелось заново утвердить себя в глазах окружающих, друзей, жены. Он не мог представить себя бесполезным. Начальник цеха предприятия И. И. Иванов много хорошего рассказывал мне о Валерии. И норму он перевыполняет, и качество у него хорошее, и портрет Петрова помещен на Доску Почета. Только вот в общественной жизни участия не принимает. Наверное, ни к чему ему лишние волнения.

Вот и заблуждается Иван Иванович. Больше всего боится Валерий остаться в стороне от того, что происходит вокруг. Получил письмо недавно из Карелии от отряда «Юность», в котором ребята просили рассказать о его погибшем друге, кавалере ордена Красной Звезды Гене Калинин, и встрепенулся весь. Значит, помнят там и верно боевого товарища, и о нем знают. Значит, не напрасно шли они по далеким чужим дорогам.

Второй секретарь Калининского райкома ВЛКСМ В. Игнатьев хорошо знаком с семьей Петровых. Два года назад райком взял над ней шефство. Помогаем, чем можем, рассказывает он, с праздниками регулярно поздравляем, машину выделили, чтоб Лену из роддома с сыном привезти. В чем нуждаются сейчас? Просят помочь домик построить на садовом участке. Но где материалы по льготным ценам для них найти — ума не приложу. К сожалению, райком комсомола осуществляет шефство сам по себе, без привлечения комсомольцев первичных организаций.

При районном совете ветеранов войны сейчас созданы секции бывших воинов-интернационалистов. Вот в чьей поддержке особенно нуждается Валерий. Уж они-то своих в беде не оставят. Однако в райкоме комсомола, похоже, пока нет четкого представления, как будет действовать подобное объединение. Да и весь процесс организации секции находится пока на стадии составления списков. А надо бы ускорить дело.

...Каждый вечер Лена встречает его с работы на остановке троллейбуса. Потом они идут за детьми в детский сад. И возвращаются домой все вместе.